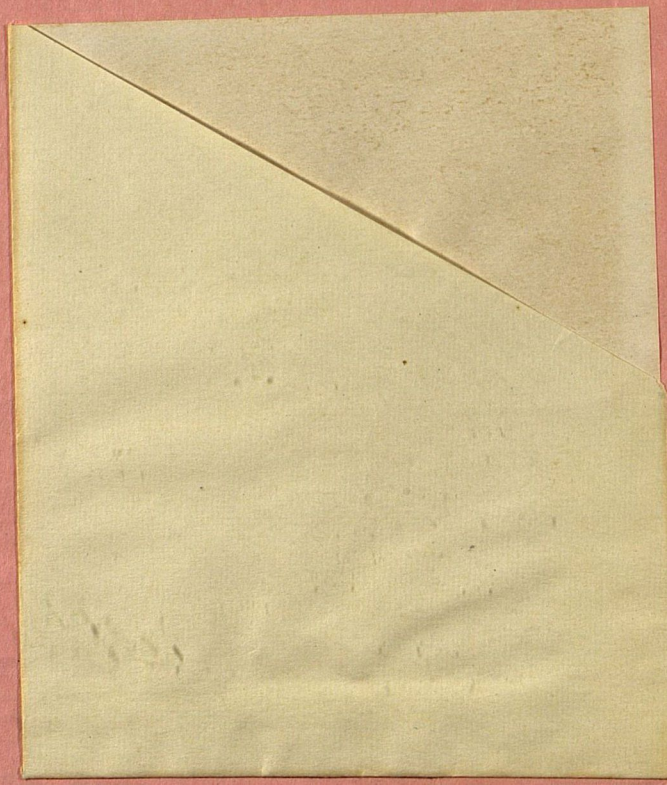
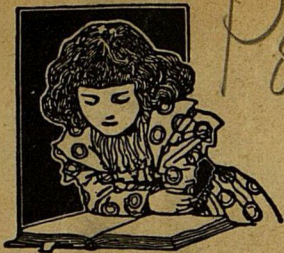

P₀ $\frac{11}{1189}$

1905г. № 7-14

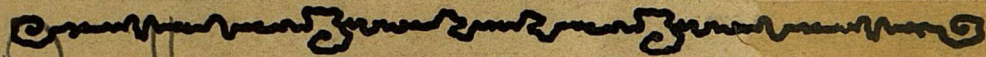

ЭБ

Свѣтлячокъ

1905 г. ◦ ГОДЪ IV. ◦ № 7

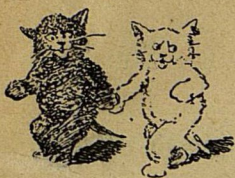
Р 8 1189

Тдѣ гнѣвъ,

тамъ и милость...

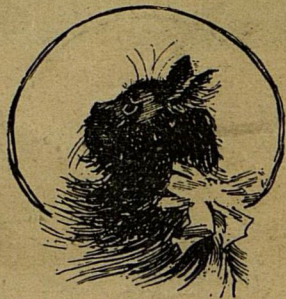

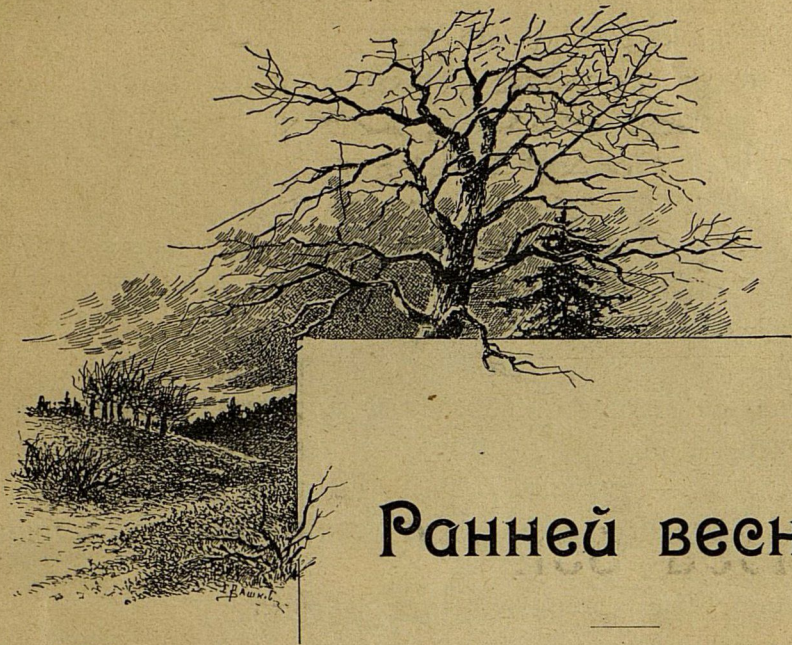
Гдѣ гнѣвъ, тамъ и милость.

РИСКИ что-то развозились,
На весь домъ визжать.
Мать-коташка разсердилась:
— „Уходите въ садъ!..
„Я о васъ забочусь вѣчно
„Цѣлый день съ утра;
„Пожалѣть меня сердечно
„Вамъ бы ужь пора!..
„Сливокъ я нашла къ обѣду,
„Но теперь не дамъ;
„А пойду, отдамъ сосѣду, —
„Въ наказанье вамъ!“...
И пошла за киской киска
Съ грустью въ садъ гуськомъ.
Попритихли... Даже писка
Не слыхать кругомъ...
И тайкомъ идетъ бесѣда
У коташекъ тамъ:
— „Братцы, какъ же безъ обѣда
„Оставаться намъ?
„Вы подумайте, какъ вкусно:
„Сливки—на обѣдъ!“...
Да и голодно, и грустно,
И отрады нѣтъ!..
Не до смѣха, не до шутокъ,
Слезы льютъ — капъ-капъ!..

И игрушки у малютокъ
Валяются изъ лапъ...
А ужь мать на столъ накрыла,
Тащитъ сливки вслѣдъ,
Но „сосѣду“ позабыла
Отнести обѣдъ,
Въ садъ выходитъ на дорожку...
— „Гдѣ вы, дѣтвора?
„Я влила ужь сливки въ плошку,
„Кушать вамъ пора!“...
Мчатся киски впередъ гонку
Къ матери своей.
Ей задать бы надо гонку,
Да вѣдъ жалъ дѣтей!..

Ткачъ Рснова.

Ранней весной.

ПРОСЫШАЯСЯ иногда въ кроваткѣ, Женя слышала, какъ сучья березъ, наклоняемые вѣтромъ, стучали и царапались въ окна [и какъ въ трубѣ что-то пѣло жалобнымъ голосомъ. Въ спальнѣ горѣла лампадка, было довольно свѣтло. Въ первый разъ, когда проснулся Женя, онъ испугался и царапанья, и жалобнаго голоса и даже тихонько спросилъ спавшую рядомъ старушку-няню Власевну, что бы это могло быть. Но когда няня спросонья сказала ему, что это вѣтеръ и что нужно спать,— Женя успокоился.

Проснувшись во второй разъ, Женя долго прислушивался къ завыванію въ трубѣ... Ну, вотъ совсѣмъ какъ маленькій ребенокъ плачетъ,—тихо такъ, жалобно, продолжительно... Неужели вѣтеръ можетъ такъ подражать плачу ребенка? И отчего это происходитъ именно въ печной трубѣ? А что если туда дѣйствительно попалъ ребенокъ и плачетъ?

Женѣ сдѣлалось жутко, и онъ закрылся съ головой одеяломъ. А потомъ незамѣтно заснулъ.

Утромъ, умывшись и одѣвшись, Женя вышелъ въ столовую, гдѣ за чаемъ сидѣла бабушка. Бабушка вставала всегда раньше мамы и пила чай вмѣстѣ съ внучкомъ.

Вотъ и теперь она налила ему его любимую чашку, голубенькую, съ мелкими цвѣточками, намазала масломъ ломтикъ домашней булки и поставила передъ нимъ.

Женя сидѣлъ, не притрогиваясь къ чаю, и смотрѣлъ въ окно, выходящее въ садъ. Вѣтеръ шумѣлъ, какъ ночью, гнулъ оголенные верхушки деревьевъ и напиралъ на оконныя стекла, словно хотѣлъ вломиться въ комнату.

Бабушка, — маленькая, сторбленная старушка, — сидѣла закутанная въ большой пуховый платокъ и временами покашливала.

— Ты что-жъ это чай студишь, не пьешь? — спросила она.

— Я потомъ... — отвѣчалъ Женя. — Бабушка, а ночью какой вѣтеръ былъ! И въ трубѣ все что-то жалобно плакало, а няня говорить, что это тоже вѣтеръ.

— Конечно, вѣтеръ, — подтвердила бабушка.

— А похоже, — точно ребенокъ плачетъ...

— Да, это бываетъ... Пей чай-то...

— Сейчасъ, бабушка... А вѣтеръ, вѣдь онъ живой?

— Какъ живой?

— Ну, да, живой! Вѣдь онъ двигается, — значить, живой.

— Пей чай-то, смотри, холодный будетъ.

— Сейчасъ, бабушка... А къ чему вѣтеръ?

— Какъ къ чему? Такъ нужно... Такъ ужъ отъ Бога... И вѣтеръ, и дождь, и снѣгъ... Къ веснѣ всегда вѣтры бываютъ.

— Значить, скоро весна?

— Скоро...

Женя улыбнулся. Онъ вспомнилъ, что каждую весну они уѣзжаютъ на дачу и живутъ тамъ до осени, когда начинаются холода и дожди. А на дачѣ жить — одна прелесть!

Послѣ чаю Женю одѣли въ полушубокъ, мѣховую шапочку съ наушниками, теплыя галоши и выпустили въ садъ погулять.

А бабушка сѣла къ окну чулокъ вязать и все поглядывала,

чтобы Женя не напроказилъ, а главное, — не сталъ ходить по лужамъ, что, къ слову молвить, въ особенности нравилось ему.

Зная, что бабушка слѣдитъ за нимъ, Женя не сталъ ходить по лужамъ, а прошелся раза два по аллеѣ, скользкой отъ покрывавшей ее ледяной коры, сѣлъ на скамейку и, поднявъ голову, сталъ слѣдить за облаками.

Боже, какъ они страшно быстро неслись одно за другимъ! И совсѣмъ это не были тѣ облака, какія бываютъ зимой, — тяжелыя, темно-сѣрыя, медленно ползущія по небу, а какія-то особенныя, легкія, бѣлыя, какъ овечки. И какія странныя, причудливыя формы принимали они! То совсѣмъ-совсѣмъ какъ медвѣдь, только безъ головы и огромныя лапища свои вытянулъ, а то вдругъ изъ медвѣдя сдѣлается колесница, и въ ней человѣкъ стоитъ.

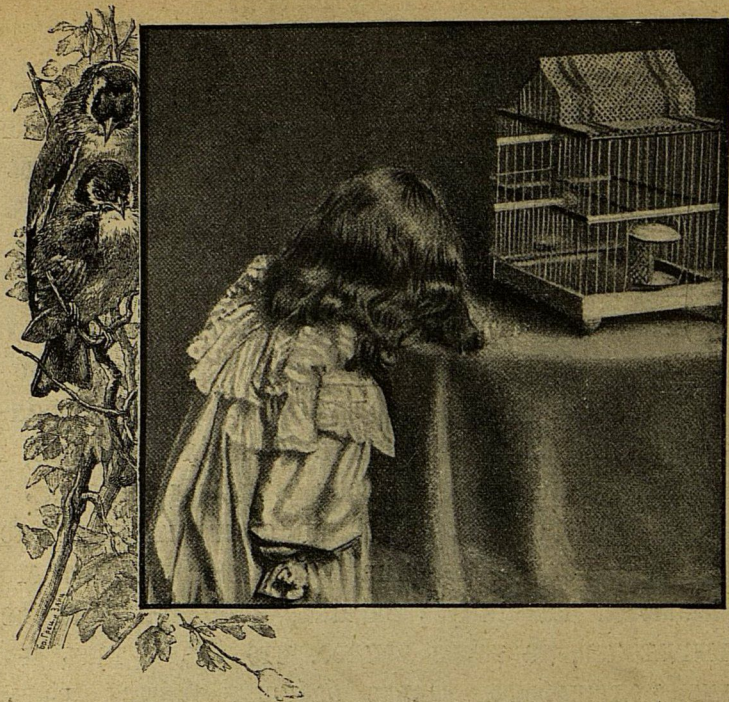
А разсѣются на минуту облака, и на голубомъ небѣ солнышко выглянетъ, да такое теплое, что Женѣ такъ и хочется разстегнуть полушубокъ, только бабушки боится, вонъ она у окна сидитъ да поглядываетъ.

А воды-то, воды сколько въ саду! Поверхъ льда цѣлыя озерки образовались; дунетъ вѣтеръ посильнѣе, на водѣ рябь пойдетъ. И гдѣ-то тамъ, въ концѣ сада, шибко что-то журчитъ, — должно-быть, вода. Можетъ-быть, тамъ цѣлый водопадъ образовался? Очень любопытно посмотрѣть, что тамъ такое дѣлается. Да и отъ бабушкина глаза можно такимъ образомъ уйти. Ну, чего она смотреть? Просто досадно даже! Вязала бы свой чулокъ, а то смотреть да смотреть...

Каз. Баранцевичъ.

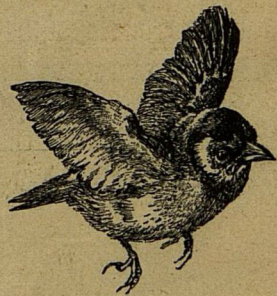
(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕ тужи, мое солнышко ясное,
Что твой другъ улетѣлъ отъ тебя...
Тяготился онъ жизнью несчастною,—
Ты прости ему это, любя...
Пересиль же свое огорченіе,
Не вини своего сорванца:
Вспомни горечь его заточенія,
Какъ онъ счастливъ теперь безъ конца...
Садъ раскинулъ листву изумрудную,
Пышно нѣжная вишня цвѣтеть...
И молитву душевную, чудную
За тебя твоя птичка поетъ.

Ф. Д.

„Что это онъ дѣлаетъ?.. Почему онъ хватаетъ за лицо свою няню?“—съ удивленіемъ подумалъ Володя.

Старушка его увела.

— Простите... Онъ такой нервный, болѣзненный. Мнѣ, право, совѣстно, что все такъ вышло... Онъ вѣдь слѣпой отъ рожденія.

Володя почувствовалъ, какъ дрогнула рука его бабушки, державшая его руку. У него что-то больно-больно защемило въ сердцѣ. И онъ прижался къ бабушкѣ. Казалось, бабушка и внукъ что-то поняли, хотѣли разомъ сказать и не могли.

— Какой славный у васъ внукъ! Какіе у него ясные глазки!—проговорила молодая дама.—Не безпокойся, мой хорошій, я пришлю тебѣ твою птичку... Ничего... Мика погорюетъ и перестанетъ. Мы его успокоимъ. У него вѣдь такъ мало радостей...

Володя отвернулся и тихо сказалъ:

— Я не хочу... Мнѣ не надо Скворушки...

— Отчего же не надо? Милый, отчего ты обидѣлся?...

— Я не обидѣлся... Я его оставлю здѣсь. Я дарю вашему мальчику... Мнѣ такъ его жаль...

Бабушка еще крѣпче прижала къ себѣ внука.

Молодая дама бросилась обнимать Володю; она порывисто цѣловала его руки, глаза и нѣсколько разъ проговорила: — „Какіе хорошіе, ясные у него глазки!“ Володя очень совѣстился и пряталъ руки.

— Мика, Мика!.. Поди сюда! Я тебя порадуя, — позвала сына молодая дама.

Няня привела Мишу.

— Мика, этотъ добрый мальчикъ дарить тебѣ свою птичку... Обними же и поцѣлуй его. Поблагодари его хорошенько.

Слѣпой схватилъ Володю за шею и быстро сталъ перебирать по его лицу пальчиками. Володя испугался, но мать слѣпого сказала:

— Не бойся, мой хорошій, онъ знакомится съ тобой. Онъ видитъ только пальцами... Позвольте имъ побыть немного вмѣстѣ, — просила она бабушку.

Дѣти отошли къ окну, стали около птички и разговорились.

— Знаешь, эта птичка что-то все бормочетъ... Я ее не понималъ, — сказалъ слѣпой и разсмѣялся.

— Онъ говорить: „Малышъ, Игнаціо, Ушелъ“.

— А я-то думаю, чтó она бормочетъ. Я ее гладила. Поетъ, такая веселая. Мнѣ на руку садилась, изъ рукъ булку брала.

— Посмотрите, она умѣетъ и лапочку давать, — сказалъ Володя и вдругъ покраснѣлъ, переконфузился... Онъ вспомнилъ, что Мика посмотрѣть не можетъ.

— Мнѣ, право, совѣстно принимать отъ васъ такой подарокъ, — говорила между тѣмъ молодая дама бабушкѣ. — Чѣмъ же я-то могу порадовать Володичку? Я не знаю, что онъ любитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ ничего не надо. Пусть мой Скворушка останется у Мики... Мнѣ не жаль... Я даже радъ теперь...

— Ты приходи ко мнѣ... — попросилъ слѣпой. — Придешь? И мы будемъ съ нимъ разговаривать.

— Приду... Я радъ, что онъ у васъ, — тихо отвѣтилъ Володя.

Мика и его мама проводили своихъ гостей до калитки. Мика шелъ, вытянувъ личико и протягивая руки впередъ.

Скворушка точно поняла что-то и нѣсколько разъ прокричала: „Ушелъ!.. Ушелъ... Малышъ!“

— Слышите, что онъ говорить? Это онъ меня называетъ „Малышъ“. Такъ сестра меня зоветъ.

Мальчики разсмѣялись. Они разстались друзьями.

Володя шелъ около бабушки задумчивый... Вдругъ онъ закрылъ глаза и спросилъ:

— Бабушка, онъ и маму свою не видитъ?

— Да,—отвѣтила бабушка и тяжело-тяжело вздохнула.

— И никогда не увидитъ?

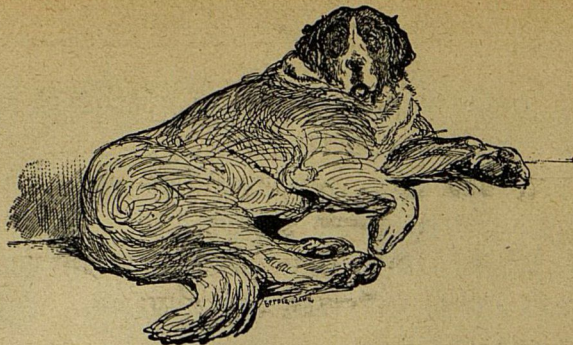
— Никогда, мой голубчикъ.

— Бабушка, много мы не можемъ сдѣлать... Хоть одного порадовать,—и то хорошо. Вѣдь правда?—какъ большой и разсудительный человекъ, сказалъ Володя.

Бабушка только ласково улыбнулась. А дома папа, мама и Зина, узнавъ все, крѣпко-крѣпко цѣловали и обнимали своего Володю.

Клавдія Лукашевичъ.

Кудлашкино дѣло.

НАША деревенька на косогорѣ стоитъ, около рѣки. Когда стають снѣга, рѣки разольются, — до нашихъ избушекъ вода не доходитъ. А вотъ кузницу дѣдушки Евлана часто заливаетъ водой; она построена въ низинѣ, недалеко отъ рѣки. И бываетъ такъ, что во время половодья и кузница, и амбарушки его словно на островѣ стоятъ.

Дѣдушка Евланъ жилъ тамъ съ внукомъ Кузькой. А у Кузьки была самая немудрящая собачонка Кудлашка. Кузькѣ она была дороже всего. Онъ съ нею всюду бывалъ вмѣстѣ, и Кудлашка отъ него не отставала.

Только разъ убѣжала Кудлашка на деревню и пропала. Ужъ что тутъ горя было у Кузи, такъ и описать невозможно. Пропала она въ началѣ поста, словно въ воду канула.

Вотъ на Страстной недѣлѣ, въ понедѣльникъ пошелъ по рѣкѣ сильный ледоходъ. Въ двое-

трое сутокъ разлилась рѣка озеромъ, да такъ высоко поднялась, что крайнюю хибарушку затопила до крыши. А вода все поднимается. Дѣло къ вечеру было. Вышелъ дѣдъ Евланъ на берегъ и головой покачалъ.

— Ну, братъ Кузька, — говоритъ, — сорокъ годовъ тому назадъ такая напасть была, что водой меня залило совсѣмъ; я о ту пору еле спасся... И теперь дѣло такое выходитъ!..

А тутъ еще дождь пошелъ. Кузька — что! Онъ сидитъ на крылечкѣ да усмѣхается, и любо ему глядѣть, какъ вода кругомъ разлилась и плещется о берегъ.

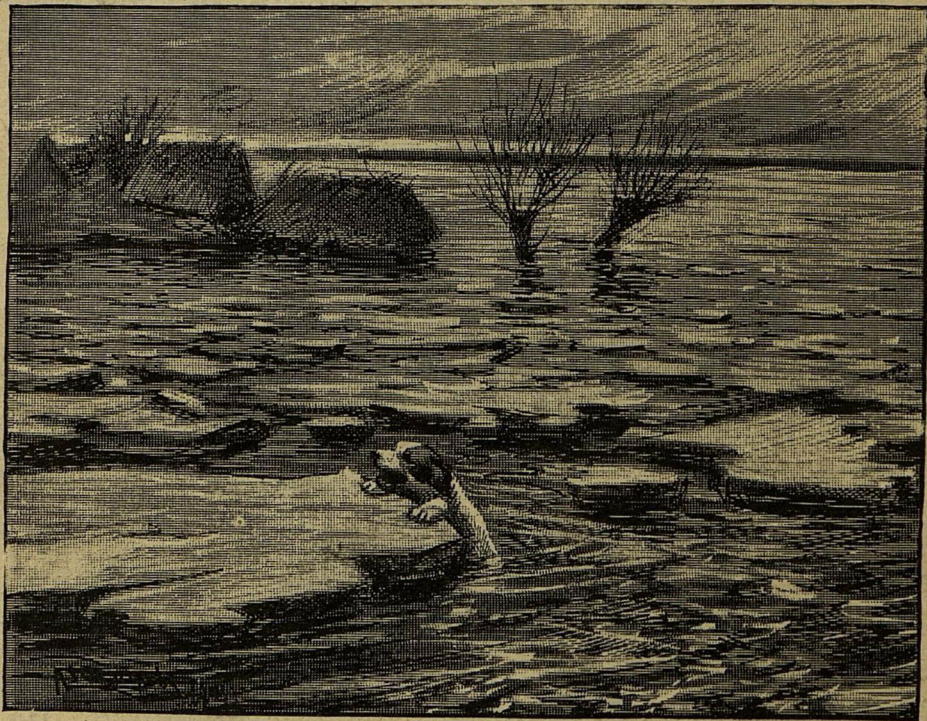
— Что, Кузя, бѣда, — сказалъ дѣдъ Евланъ, — зальетъ насъ ночью непременно водой!

Всю ночь старикъ спать не ложился, — и хорошо сдѣлалъ. Около полуночи услышалъ онъ, какъ вода плещетъ гдѣ-то около, рядомъ съ полатами. А это его избушку водой залило. Живо разбудилъ старикъ Кузю, вышелъ на волю, стали на крышу взбираться. Пробрались, отдышались немного. Спросонья, съ холоду захлюпалъ Кузя, а дѣдъ Евланъ его всячески утѣшаетъ, по головѣ гладитъ:

— Не плачь, Кузя, не плачь, соколъ; утро проглянетъ, — за нами изъ деревни прїѣдутъ...

Утро брезжило; задремалъ, было, Кузя, да вдругъ очнулся...

— Дѣда, — говоритъ, — я сонъ видѣлъ, — Кудлашку. Вотъ сейчасъ она тутъ была! Ласкалась...

Прислушался мальчикъ да и говоритъ:
— Дѣда! Слышишь? Это Кудлашка воетъ!..
Съ рѣки, точно, доносился отрывистый лай,
да мало ли на деревнѣ собакъ бездомныхъ?!

Прошло около часу; разсвѣло совсѣмъ.
Всталъ Кузя на гребень крыши и глазъ съ
рѣки не сводить да вдругъ какъ гаркнетъ:

— Дѣда! Вѣдь и впрямь это Кудлашка!..

Саженьяхъ въ пяти отъ ихъ островка отчаянно билась какая-то собачонка, карабкаясь изо всѣхъ силъ на плывшую мимо льдину... Она выбилась изъ силъ и отчаянно визжала, наконецъ, добилась-таки своего, вползла на скользкую плывущую мимо льдину...

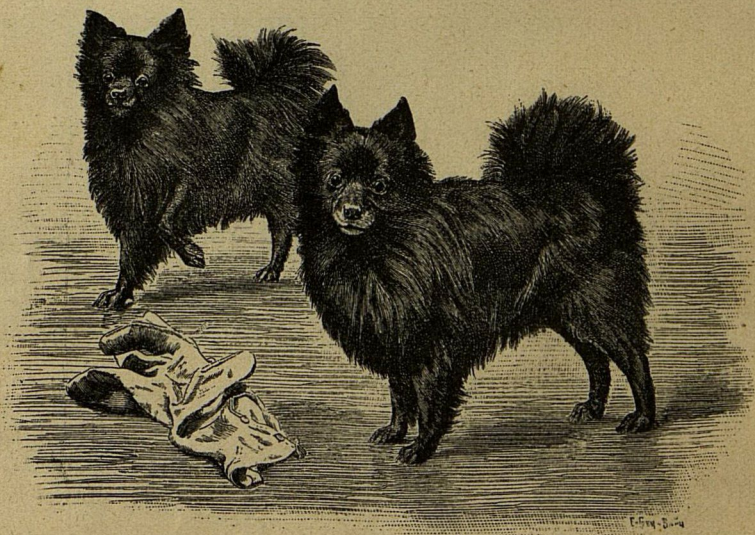
— Брось ты, Кузя, собаку! — сказалъ Евланъ, крестясь. — Гляди, вонъ народъ къ намъ ѣдетъ.

И точно, къ нимъ подплывала лодка съ четырьмя гребцами. Двое гребли, а двое палками отталкивали встрѣчныя льдины отъ лодки.

Черезъ полчаса люди сняли старика Евлана и Кузю съ крыши и Кудлаша. И вотъ что рассказалъ старику одинъ изъ гребцовъ:

— Что грѣха таить, я вашего Кудлаша словилъ да у себя все это время на привязи держалъ. Ну, только вчера онъ съ вечеру надоѣлъ мнѣ смерть какъ: воетъ и воетъ да съ веревки рвется, того гляди, удушится на ней. Мнѣ жена и говорить: — «Пусти ты ее, что она воетъ... Бѣду на насъ накликаетъ... Да и то — дикая она какая-то!»... Ну, я ее отвязалъ и за ворота выгналъ, а она какъ бросится къ рѣкѣ; потомъ ко мнѣ подбѣжала, и опять къ рѣкѣ. «Семь-ка, — думаю я, — что за причина такая? Не станетъ собака безъ толку блажить

да рваться!»... Вотъ я только хотѣлъ къ ней подойти, а она—скокъ на льдину, а съ нея на другую и пошла скакать къ вамъ. Ну, тутъ и я о васъ вспомнилъ... «Вотъ оно,—думаю,—какое дѣло-то выходитъ. Знать, бѣда съ дѣдушкой Евланомъ; залило, поди, его водой!»... Дождался утра, созвалъ ребятъ, лодку сготовилъ и за вами сюда... А все спасибо Кудлашу,—онъ меня надумилъ...

Робинзонъ

пропалъ!..

(Продолженіе. См. № 5).

ГЛАВА VIII.

Бимъ-Бомъ поймалъ тайну за хвостъ.

УЖАСНО жалко, что у генерала Бимъ-Бомъ не было сердца. Оно бы запрыгало отъ радости.

— А гдѣ этотъ ручей? — спросилъ онъ у ежа.

— Спуститесь подъ горку, — тутъ онъ и есть. А на томъ берегу сосны растутъ. А подъ сосной — муравейникъ, тамъ и Робинзонъ лежитъ. Только, господинъ Кукла, это не человѣкъ, честное слово. Я пожевалъ у него ножку, — никакого вкуса, какъ дерево какое-то. Потомъ плечо кунуль, — какія-то тряпочки.

— Да какъ вы смѣли прикоснуться къ такой свѣтлой личности?! — вскипѣлъ Бимъ-Бомъ. — Да вѣдь онъ, да вѣдь я... да вѣдь садовникъ!..

— Я ужъ лучше пойду... — тоскливо захныкалъ ежъ. — Что, право, — чисто начальникъ какой... Ла-ла-ла, ла-ла-ла!.. У меня голова кругомъ пошла...

Онъ опустился на переднія копыта и юркнулъ въ траву.

Генералъ Бимъ-Бомъ былъ страшно радъ этому. И храбрость свою показалъ, и въ бѣду не попалъ, и тайну поймалъ за хвостикъ. Вотъ онъ герой какой!..

— Даже удивительно, какой я умный и рѣшительный, — сказалъ Бимъ-Бомъ самъ себѣ, ложась около товарищей на траву.

Если вы никогда не путешествовали съ куклами, вы, конечно, представить себѣ не можете, что это за возня такая.

Первая проснулась Пуся и стала хныкать, что у нея го-

ловка отвинтилась; затѣмъ Китаецъ сталъ жаловаться, что у него отклеилась правая рука; баронесса Кри-Кри чувствовала общую слабость, такъ какъ отъ сильной росы крахмальное платице ея превратилось въ кисель. А у генерала Бимъ-Бомъ намокли обѣ ноги такъ, что онъ не могъ подняться съ земли.

Прыгаль одинъ Деревяша Манекенъ. Ему что,—онъ сдѣланъ не на клею; онъ на гвоздикахъ.

— Разведи костеръ! — повелительно простоналъ ему Бимъ-Бомъ.—Высуши насъ, и я открою важную тайну.

— Генераль, ваше приказаніе невозможно исполнить безъ спичекъ. Дайте мнѣ хоть одну спичку, тогда другое дѣло...

— Я даю, что могу... — умирающимъ голосомъ простоналъ Бимъ-Бомъ.

Деревяша придумалъ лучше. Солнце свѣтило ярко-ярко, и онъ перетасилъ всѣхъ спутниковъ на принекъ и уложилъ ихъ рядкомъ, какъ кирпичики.

Паръ клубами поднимался отъ путешественниковъ, и съ каждымъ клубомъ его всѣ чувствовали, какъ они крѣпнутъ.

Крахмальное платице Кри-Кри, рука китайчонка, ножки генерала Бимъ-Бомъ въ нѣсколько мгновеній высохли и окрѣпли.

Бимъ-Бомъ, конечно, вскочилъ первый и завопилъ:

— Друзья мои! Робинзонъ найденъ!.. Онъ лежитъ за рѣкой... Его видѣлъ ежъ!.. А я вышталъ... напугалъ, потому что Бимъ-Бомъ отваженъ и хитеръ!..

Эта рѣчь была очень коротка, и только оттого никто не понялъ, въ чемъ дѣло, но все-таки живо собрались въ путь. Кукуламъ—хорошо: ни ѣсть, ни пить не надо, всталъ и пошелъ.

Ночное страшилище, ежикъ, не солгалъ. Дѣйствительно, подъ горкой былъ крошечный ручеекъ, который вытекалъ изъ болотца. На берегу лягушки сидѣли и встрѣтили нашихъ путниковъ такимъ кваканьемъ, что генераль Бимъ-Бомъ дрожалъ какъ желе все время, пока спускались съ горы.

У берега стояла въ водѣ шайка, которую забыла здѣсь прач-

ка. Такъ было на самомъ дѣлѣ, но Бимъ-Бомъ не хотѣлъ унестать этого случая.

— Нда, господа, — говоритъ онъ, — пока вы спали, я съ ежомъ дрался, а потомъ строилъ для васъ цѣлый корабль!

Куклы ахали, а Бимъ-Бомъ гордился и такъ высоко поднялъ

носъ, что оступился въ воду и чуть, было, не утонуть, если бы Пуся не удержала его за руку и если бы Пусю не удержала Кри-Кри за ленточку...

Горошкомъ прыгнули куколки въ шайку, а Деревяша отпихнулъ ее отъ берега. Все бы шло прекрасно, если бы только ..

Чернуша.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИГРУШКИ ИЗЪ СКОРЛУПОКЪ.

(ЗАНЯТІЕ).

Дядя Петя явился къ намъ вчера вечеромъ и сказалъ съ озабоченнымъ видомъ:

— Сегодня мы будемъ дѣлать игрушки изъ яичной скорлупы, потому что скоро будетъ Пасха.

Онъ принесъ съ собою гумми-арабикъ, проволоку, разноцвѣтную шерсть, воскъ, перья и проч.

На тарелкѣ принесли намъ сырыхъ яйца. Дядя взялъ одно изъ нихъ, прокололъ съ остраго и тупого конца и сталъ дуть въ одно отверстіе. Все содержимое яйца, желтокъ и бѣлокъ, вытекло на блюдечко, и у насъ получилась цѣльная скорлупка цѣлаго яйца.

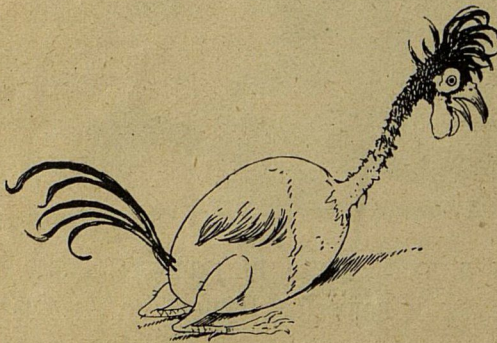

Рис. А.

Дядя воткнулъ кусочекъ проволоки въ отверстіе скорлупы, изъ воску вылѣпилъ птичью шею и голову, воткнулъ перья, какъ показано; вмѣсто глазъ—двѣ бисеринки, два кусочка красной фланели — подъ клювъ; лапки тоже изъ воску приготовилъ. По-

томъ онъ натеръ красную, желтую и голубую краски на тарелку, подбавилъ къ нимъ немного гумми-арабика и сталъ разрисовывать крылья пѣтуху.

Пѣтухъ вышелъ на-славу.

Затѣмъ мы сдѣлали другую игрушку — филина. Изъ бумаги вырѣзали мы два кружка, на которыхъ нарисовали лучи (См. рисунокъ В). Затѣмъ изъ пробки вырѣзали два плоскихъ кружка, величиной съ кедровый орѣшекъ; этотъ кружокъ наклеили посрединѣ бумажного кружка, а затѣмъ

въ пробку воткнули по маленькой круглой пуговкѣ отъ башмака. Оба эти кружка мы наклеили на скорлупу рядомъ, ближе къ тупой части яйца. Ушки пришлось вылѣпить изъ воску, равно какъ и лапки съ коготками. Хвостъ вырѣзали изъ желтой фланели и подклеили къ скорлупѣ внизу. Затѣмъ всю скорлупу выкрасили желтой краской, а тупую часть яйца—голову и крылья—окрасили, какъ показано на рисункѣ, черной краской.

Рис. В.

Наконецъ, мы устроили цѣлыхъ шесть разныхъ господъ. Лица сначала раскрашивали розовой краской, а затѣмъ черной краской рисовали глаза, носы, усы; губы проводили ярко-красной краской. Для № 1 шапочку сдѣлать такъ: свернуть изъ бумажной полоски кольцо и надѣть на острый конецъ яйца, смазавъ нижній край бумажной полоски клеемъ. Для № 2 сначала сдѣлать такое же кольцо, а затѣмъ свернуть лоскутокъ бумаги фунтикомъ, склеить его и, смазавъ внутри клеемъ, насадить на острый конецъ скорлупы. Для № 3 надо только сдѣлать изъ любого лоскутика бантъ и его подклеить къ тупому концу яйца. № 4 весь состоитъ въ томъ, что на яичной скорлупѣ надо нарисовать лицо и шапочку. Для № 5 изъ тонкой папирозной бумаги сдѣлать фунтикъ, но побольше, чѣмъ для № 2 фунтикъ этотъ надѣть на яйцо. А для № 6 сначала сдѣлать изъ узкой бумажной полоски кольцо, какъ мы дѣлали для № 1, а затѣмъ отрѣзать полоску вдвое шире, но короче, и изъ нея тоже склеить кольцо, которое приклеить на вершину яйца внутри перваго кольца.

